

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Кармические видения

I

Лагерь полон боевыми колесницами, ржущими лошадьми и толпами длинноволосых воинов...

Королевская палатка, безвкусна в своём варварском великолепии. Её льняные покровы провисают под тяжестью оружия. В центре — возвышенное сиденье, покрытое шкурами, и на нём восседает рослый, свирепого вида воин. Он рассматривает пленников, которых по очереди подводят к нему и судьбу их решает каприз бессердечного деспота.

Вот перед ним новая пленница. Она обращается к нему со страстной искренностью... Он же внимает ей со скрытой яростью, и глаза на мужественном, но свирепом и жестоком лице наливаются кровью и неистово вращаются. А когда он подаётся вперёд, пристально и с ненавистью вперясь в неё взглядом, весь его облик — спутанные пряди волос, свисающие на сдвинутые брови, коренастый торс с мощными мускулами и две большие руки, опирающиеся на щит, стоящий на правом колене, — подтверждает замечание, едва слышным шёпотом сделанное седовласым воином своему соседу:

— Не много милости получит эта святая пророчица из рук Хлодвига.

Пленница, стоящая между двумя бургундскими воинами лицом к бывшему князю салических франков, а ныне королю всех франков, — старая женщина с серебристо-белыми растрёпанными волосами, спадающими на костлявые плечи. Несмотря на глубокую старость, её высокая фигура стройна, а вдохновенные чёрные глаза смотрят гордо и бесстрашно в жестокое лицо вероломного сына Хильдерика.

— Ах, король, — говорит она громким, звонким голосом, — вот сейчас ты велик и могуч, но дни твои сочтены и править тебе всего лишь три лета. Злым ты родился... Вероломным ты был со своими друзьями и союзниками, не одного из них лишив законной короны. Убийца своих ближайших родственников, ты, добавляющий к ножу и копьё в открытом бою кинжал, яд и предательство, берегись, ты дурно обращаешься со слугой Нерфус!

— Ха, ха, ха!.. Старая карга из преисподней! — заявляет король со злой, угрожающей усмешкой, — Конечно, ты выползла из чрева своей матери-богини. Ты не боишься моего гнева? Это хорошо. Но и мне нечего бояться твоих пустых проклятий... Мне, крещёному христианину!

— Так, так, — отвечает сивилла. — Все знают, что Хлодвиг отрёкся от богов своих отцов, что он потерял веру в предостерегающий голос белого коня Солнца, что в страхе перед аллеманами он склонил колени перед назорейским служителем Ремигиусом в Реймсе. Но стал ли ты в новой вере более праведным? Разве после своего отступничества ты не убил столь же хладнокровно, как и до него, всех своих сподвижников, веривших тебе? Разве не ты дал слово Алариху, королю вестготов, и не ты же убил его исподтишка, вонзив копьё в спину, когда он отважно сражался с врагом?

Это твоя новая вера и новые боги учат тебя, даже теперь, вынашивать в своей чёрной душе гнусные замыслы против Теодориха, нанёвшего тебе поражение? ...Берегись, Хлодвиг, берегись! Ибо теперь боги твоих отцов поднялись против тебя! Берегись, говорю тебе, ибо...

— Женщина, — свирепо кричит король, — женщина, прекрати свои безумные речи и отвечай на мой вопрос! Где сокровища Роши, накопленные твоими жрецами Сатаны и спрятанные после того, как они были разогнаны святым Крестом?... Ты одна знаешь. Отвечай, или, клянусь небесами и преисподней, я навсегда втолкну в глотку твой поганый язык!..

Она не обращает внимания на угрозы и продолжает так же спокойно и бесстрастно, будто ничего не слышала:

— ...Боги говорят, Хлодвиг, что ты проклят!.. Хлодвиг, ты будешь вновь рождён среди своих терепешных врагов и будешь мучиться страданиями, которые причиняешь своим жертвам. Вся мощь и слава, что ты отнял у них, будет маячить перед тобой, но ты никогда не достигнешь её!.. Ты будешь...

Прорицательница не успевает договорить.

С ужасным проклятьем, припав, подобно дикому зверю, к своему покрытому шкурой сиденью, прыжком ягуара король обрушивается на неё и одним ударом сбивает с ног. А когда он заносит своё острое смертоносное копьё, "святая" племени почитателей Солнца заставляет воздух зазвенеть последним проклятием:

— Я проклинаяю тебя, враг Нерфус! Да будут муки твои десятикратно тяжелее моих! Пусть великий закон воздаст...

Тяжёлое копьё падает и, пронзив горло жертвы, пригвозждает голову к земле. Горячая алая струя вырывается из зияющей раны, покрывая короля и воинов несмываемой кровью...

II

Время — вежа богов и людей в безграничном поле вечности, убийца своих порождений и памяти человечества — время движется бесшумным безостановочным шагом через зоны и века... Среди миллионов других Душ вновь рождается Душа-Эго: для счастья или для горя, кто знает! Пленница в своей новой человеческой форме, она растёт вместе с ней, и вместе они осознают, наконец, своё бытие.

Счастливы годы их цветущей юности, неомраченной нуждой или страданием. Они ничего не ведают ни о прошлом, ни о будущем. Для них всё — лишь счастливое настоящее, ибо Душа-Эго и не подозревает, что жила когда-то в другом человеческом сосуде, она не знает, что родится вновь, и не помышляет о том, что последует за этим.

Её Форма спокойна и довольна. Она ещё не доставляла своей Душе-Эго серьёзных волнений. Она счастлива благодаря ровной мягкой безмятежности своего нрава и атмосфере любви, сопутствующей ей повсюду. Ибо это — благородная Форма и сердце её полно благодущия. Никогда ещё Форма не тревожила Душу-Эго слишком сильным потрясением и никоим иным образом не нарушала спокойной безмятежности своего обитателя.

Два десятилетия проходят незаметно, будто единое путешествие, долгий путь по залитым солнцем дорогам жизни, усаженным вечно цветущими розами без шипов. Редкие печали, постигающие эту пару близнецов — Форму и Душу, кажутся им подобными бледному свету холодной северной луны, чьи лучи погружают всё вокруг освещённых ею предметов в тень ещё более глубокую, нежели тьмнота ночи, ночи безнадежной скорби и отчаяния.

Сын государя, рождённый, дабы в должное время принять бразды правления королевством отца, с колыбели окружённый благоговением и почестями, окружённый всеобщим уважением и уверенный во всеобщей любви, — чего же более может желать Душа-Эго от Формы, в коей пребывает?

И так Душа-Эго продолжает наслаждаться жизнью в своей непреступной башне, безмятежно взирая на панораму бытия, непрестанно меняющуюся перед двумя её окнами — двумя добрыми голубыми глазами любящего и добродетельного человека.

III

Однажды надменный и неистовый враг стал грозить королевству отца, и дикие инстинкты бойца прошлого просыпаются в Душе-Эго. Она покидает свою страну грёз среди цветов жизни и побуждает своё Эго из плоти обнажить клинок воина, уверяя его, что это делается ради защиты страны.

Побуждая друг друга к действиям, они одолевают противника и покрывают себя славой. Они заставляют надменного врага в крайнем унижении повергнуться во прах у своих ног. За это история венчает их неувядающими лаврами доблести, лаврами успеха. Они делают из поверженного врага подставку для ног и превращают маленькое королевство своих предков в огромную империю. Удовлетворённые, полагая, что не могли бы пока достичь большего, они возвращаются к уединению, в страну грёз милого дома.

В течение следующих трёх пятилетий Душа-Эго сидит на обычном месте, взирая из своих окон на окружающий мир. Над её головой голубое небо, а необозримые горизонты покрыты, казалось бы, неувядаемыми цветами, растущими в лучах здоровья и силы. Всё выглядит прекрасным, как зеленеющий луг весной.

IV

Но в драме бытия недобрый день приходит ко всем. Он ждёт — и в жизни короля, и в жизни нищего. Он оставляет след в биографии каждого смертного, рождённого от женщины, и его нельзя ни отпугнуть, ни упротить, ни умилоствить. Здоровье — это росинка, падающая с небес, дабы оживлять цветение на земле лишь в течение утра жизни, её весны и лета... Но она недолговечна и возвращается туда, откуда пришла, — в невидимые сферы.

Как	часто	под	бутоном	неземным
Зародышем		незримый	цветоед	таится!
А	в	корешках	редчайшего	цветка

Недосягаемый в своей засаде червь трудится...

Песок в часах, отмеряющий сроки человеческой жизни, струится всё быстрее. Червь подточил цветок жизни в самой его сердцевине. Сильное тело однажды оказывается простертым на тернистом ложе боли.

Душа-Эго больше уже не сияет. Она тихо сидит и печально смотрит сквозь то, что стало окном её темницы, на мир, который теперь быстро окутывается для неё саванами страдания. Уж не преддверие ли это приближающейся вечной ночи?

V

Прекрасны курорты внутреннего моря! Бесконечная неровная гряда омываемых прибоем чёрных скал тянется окружённая золотыми песками и глубокими синими водами морского залива. Они подставляют свои гранитные груди яростным порывам северо-западного ветра, укрывая дома богачей, уютно разместившиеся у их подножий со стороны суши. Полуразрушенные домишки на открытом берегу — это убогие убежища бедняков. Их убогие тела часто сокрушаются стенами, сорванными и смытыми разгневанной волной. Но ведь они только следуют великому закону выживания наиболее приспособленных. К чему их защищать?

Прекрасно утро, когда в золотисто-янтарных тонах встаёт солнце и первые лучи его целуют скалы живописного берега. Радостна песня жаворонка, когда, вылетая из своего тёплого гнёздышка в траве, он пьёт утреннюю росу из глубоких чашечек цветов; когда кончик розового бутона дрожит, обласканный первым лучом, а земля и небо улыбаются, приветствуя друг друга. Печальна одна Душа-Эго, когда взирает на пробуждающуюся природу с высокого ложа напротив широкого окна — "фонаря".

Как спокоен близящийся полдень, когда тень на солнечных часах неуклонно движется к часу отдыха! Теперь палящее солнце начинает плавить облака в прозрачном воздухе, и последние клочки утреннего тумана, задержавшиеся на вершинах дальних холмов, исчезают в его лучах. Вся природа готова к отдыху знойного и ленивого полдня. Племя пернатых умолкает, их яркие крылья поникают, они опускают свои сонные головки, ища убежища от палящего зноя. Утренний жаворонок деловито устраивается в окаймляющих дорожки кустах под соцветиями граната и сладкого средиземноморского лавра. Неутомимый певец стал безгласным.

"Его песнь так же радостно зазвенит завтра, — вздыхает Душа-Эго, прислушиваясь к замирающему жужжанию насекомых на зеленеющем дёрне. — А мой?"

Вот бриз, несущий запахи цветов, едва шевелит томные верхушки пышных растений. Затем взгляд Души-Эго падает на одинокую пальму, выросшую в расселине поросшей мхом скалы. Её некогда прямой цилиндрический ствол изогнут и надломлен ночными порывами северо-западных ветров. А когда она устало протягивает свои поникшие оперённые руки, колеблющиеся из стороны в сторону в голубом прозрачном воздухе, её тело дрожит и грозит переломиться пополам при первом новом порыве.

"И тогда отломленная часть дерева упадёт в море и некогда величественной пальмы уже не будет более", — говорит сама с собой Душа-Эго, печально взирая из своих окон.

Всё возвращается к жизни в холодном старом жилище в час заката. Тени на солнечных часах с каждой минутой сгущаются, и воодушевленная природа в эти прохладные часы близящейся ночи просыпается более деятельной, чем когда-либо. Птицы и насекомые щебечут и жужжат свои последние вечерние гимны вокруг высокой и всё ещё сильной Формы, когда она шествует медленно и устало по усыпанной гравием аллее. И вот её тяжёлый взгляд задумчиво падает на лазурную глубину тихого моря. Залив искрится, подобно усыпанному жемчугом ковру синего бархата, в прощальных танцующих солнечных лучах и улыбается, как беспечный сонный ребенок, уставший от беспокойного

метания. А дальше, спокойное и безмятежное в своей вероломной красоте, открытое море широко расстилает гладкое зеркало прохладных вод — солёных и горьких, как человеческие слезы. Оно лежит в своём предательском спокойствии, подобно великолепному спящему чудовищу, охраняющему непостижимую тайну своих тёмных глубин. Поистине это кладбище миллионов, без надгробий, канувших в пучины...

Без могил, без положенья в гроб,
Без погребальных звонов и безвестно... —

в то время как жалкие останки некогда благородной Формы, бродящей поодаль, когда пробьёт её час и басовые колокола прозвонят по усопшей душе, будут выставлены для помпезного прощания. О её кончине возвестят голоса миллионов труб. Короли, князья и сильные мира сего явятся на её погребение или пришлют своих представителей со скорбными лицами и соболезнующие послания тем, кто остался...

"Хоть одно преимущество перед погребёнными без положения во гроб и безвестно", — с горечью размышляет Душа-Эго.

Так незаметно проходит день за днем, и по мере того как быстрокрылое Время ускоряет свой полёт, а каждый исчезающий час разрушает какую-то нить в ткани жизни, Душа-Эго постепенно изменяется в своих взглядах на вещи и людей. Паря меж двумя вечностями, вдали от места рождения, одинокая в толпе докторов и слуг, Форма с каждым днём увлекается всё ближе к своей Душе-Духу. Иной свет, недостигнутый и недостижимый во дни радости, мягко снисходит на утомлённой узницы. Теперь она видит то, чего никогда не различала прежде...

VI

Как прекрасны, как таинственны весенние ночи на морском берегу, когда ветры умиротворены и стихии на время утихли. Торжественная тишина царит в природе. Лишь серебристый, едва слышный шорох волны, когда она нежно пробегает по влажному песку, целуя раковины и гальку по пути вверх и вниз, доходит до слуха словно тихое размеренное дыхание спящей груди. Каким маленьким, каким незначительным и беспомощным чувствует себя человек в эти покойные часы, когда стоит между двумя гигантскими громадами — усыпанным звёздами сводом над головой и дремлющей землёй под ногами.

Небо и земля погружены в сон, но души их не спят и беседуют, делясь друг с другом неизъяснимыми тайнами. Именно тогда оккультная сторона природы приподнимает для нас свои тёмные покровы и раскрывает секреты, кои мы тщетно пытались бы выпытать у неё в свете дня. Купол небес, столь недостижимый, столь далёкий от земли, приблизился и склонился над нею. Звёздные луга обнимаются со своими более скромными сёстрами — долинами, усыпанными маргаритками, и дремлющими зелёными полями. Небесный свод падает в изнеможении на грудь огромного спокойного моря; а миллионы усеивающих его звёзд заглядывают и купаются в каждом озерке и заводи.

Для израненной горем души эти мерцающие небесные светила кажутся очами ангелов. Они смотрят вниз с невыразимым сочувствием к страданиям человечества. То не ночная роса падает на спящие цветы, но слезы сострадания светил при виде великой человеческой скорби...

Да, ласкова и прекрасна южная ночь. Но —

Когда мы, возлежа на ложе,
В мерцаньи тающей свечи
Зрим увядание всего... О, Боже!
Как нам страшно в ночи...

VII

Черета погребённых дней пополнена ещё одним. Далёкие зелёные холмы и ароматные ветви цветущего граната растворились в густых тенях ночи, и печаль и радость погружены в летаргию сна, дающего отдых душе. Все шумы утихли в королевских садах, ни голоса, ни звука не слышно в этой всевластной тишине.

Быстрокрылые сны слетают со смеющихся звёзд пёстрыми стайками и, опускаясь на землю, рассеиваются среди смертных и бессмертных, среди животных и людей. Они парят над спящими, привлекаемы каждый согласно своему виду и качеству: сны радости и надежды, исцеляющие и невинные видения, страшные и пугающие зрелища, увиденные сомкнутыми очами, переживаемые душой; одни — дающие счастье и утешение, другие — вызывающие рыдания, вздымающие дремлющую грудь, слезы и душевные муки; все и каждый неосознанно вселяющие в спящего мысли грядущего дня.

Даже во сне Душа-Эго не находит покоя.

Горячо и лихорадочно мечется её тело в безысходной муке. Для неё время счастливых мечтаний — лишь истаявшая тень, давно минувшее воспоминание. За умственными страданиями души стоит преображённый человек. За телесными муками проступает полностью разбуженная ими Душа. Покров иллюзии спал с холодных идолов мира. Тщета и пустота славы и богатства стоят перед её глазами неприукрашенные и часто отвратительные. Думы Души, подобно мрачным теням, падают на рассудок быстро распадающегося тела, преследуя мыслителя ежедневно, еженощно, ежечасно...

Вид собственного храпящего коня больше не доставляет ему удовольствия. Воспоминания об оружии и знамёнах, захваченных у врага, о стёртых с лица земли городах, о рвах, пушках и шатрах, о множестве завоёванных трофеев теперь лишь едва возбуждают его национальную гордость. Подобные мысли больше не трогают его, и честолюбие уже неспособно пробудить в страждущем сердце снисходительного одобрения любого доблестного поступка рыцарства. Иные видения заполняют теперь томительные дни и долгие бессонные ночи...

Что он видит теперь, — это множество штыков, скрежещущих друг о друга в тумане копоты и крови, тысячи изрубленных тел, покрывающих землю, истерзанных и разорванных в клочья смертоносными орудиями, изобретёнными наукой и цивилизацией, благословлёнными на победу слугами его Бога. То, что он теперь видит во сне, — это истекающие кровью раненые и умирающие с утраченными конечностями и спутанными волосами, промокшими и насквозь пропитанными кровью...

VIII

Отвратительный сон выделяется из группы проходящих мимо видений и тяжело опускается на его больную грудь. В ночном кошмаре он видит людей, умирающих на поле боя, проклиная тех, кто привёл их к гибели. Любая внезапная острая боль в собственном изнуренном теле приносит ему во сне воспоминания о муках ещё более ужасных, о страданиях, перенесённых из-за него и ради него. Он видит и чувствует агонию

миллионов павших, умирающих после долгих часов ужасающих душевных и физических мук, испускающих дух в лесу и в поле, в канавах у обочин, в лужах крови под чёрным от гари небом. Его взгляд вновь приковывают потоки крови, каждая капля в которых — это слеза отчаяния, вопль разрывающегося сердца, скорбь по всей жизни. Он опять слышит дрожащие вздохи одиночества и пронзительные крики, разносящиеся над горами, лесами, долинами. Он видит старых матерей, потерявших свет своей души; семьи, лишившиеся кормильца. Он видит овдовевших молодых жён, выброшенных в огромный холодный мир, и нищих сирот, тысячами попрошайничающих на улицах. Он видит, как юные дочери самых отважных его воинов меняют траурные покровы на крикливую мишуру проституции, и Душа-Эго содрогается в спящей Форме... Её сердце разрывается от стонов голодающих, глаза слепнут в дыму горящих деревень, разрушенных домов, больших и малых городов в курящихся руинах...

И в этом кошмарном сне он вспоминает тот миг помешательства в своей воинской жизни, когда стоя на горе мёртвых и умирающих, правой рукой размахивая обнажённым мечом, по самую рукоять обогрётным дымящейся кровью, а левой — знаменем, вырванным из рук солдата, умирающего у его ног, он зычным голосом возносил хвалу к трону Всемогущего, благодаря его за только что одержанную победу!..

Он вздрагивает во сне и просыпается от ужаса. Крупная дрожь сотрясает его тело как осиновый лист, и, откинувшись на подушки, утомлённый воспоминаниями, он слышит голос — голос Души-Эго, звучащий в нём:

"Слава и победа — лишь тщеславные слова... Благодарения и молитвы за сломанные жизни — гнусная ложь и богохульство!..

Что они дали тебе и твоему отечеству, эти кровавые победы!.. — шепчет его Душа. — Народ, одетый в железные доспехи, — отвечает она же. — Сорок миллионов умерших теперь для всякого духовного устремления и жизни Души. Народ, отныне глухой к мирному голосу долга честных граждан, питающий отвращение к мирной жизни, слепой к искусствам и литературе, безразличный ко всему, кроме барыша и честолюбия. И каково же теперь твоё будущее королевство? Легион кукол-солдатиков взятых по отдельности и огромный дикий зверь в своей совокупности. Зверь, что подобен вот этому морю, мрачно дремлет лишь для того, чтобы с ещё большим неистовством обрушиться на первого же врага, который будет ему указан. Указан — но кем? Это — как если бы бессердечный, гордый демон, присвоивший неподобающее влияние, воплощенная Гордыня и Сила, сжал железной рукой сознание всей страны. Какими злыми чарами отбросил он людей к тем первобытным дням нации, когда их предки, жёлтоволодые свебы и вероломные франки, бродили повсюду в воинственном запале, в жажде убивать, уничтожать, покорять. Какими адскими силами было это совершено? Однако превращение произошло, и это столь же неоспоримо, как и тот факт, что лишь Дьявол радуется и гордится результатом этого превращения. Весь мир замер в напряжённом ожидании. Не жена или мать наиболее часто предстаёт тебе во снах, а чёрная и зловещая грозовая туча, покрывающая всю Европу. Она приближается... Подступает всё ближе и ближе... О, горе и ужас! Я вновь прозреваю страдание для этой земли, свидетелем которого мне уже приходилось быть. Я вижу роковую печать на челе цвета европейской молодежи. Но, если я буду жить и обладать властью, никогда, о никогда моя страна не будет участвовать в этом снова! Нет, нет, я не увижу

Ненасытную	смерть,	пресытившуюся	поглощаемыми	жизнями...
Я		не		услышу
...несчастных	матерей		пронзительного	крика,

Когда из страшных, жутких ран людских
Жизнь истекает, и быстрее крови!.."

IX

Сильнее и сильнее поднимается в Душе-Эго чувство жгучей ненависти к страшной бойне, называемой войной; глубже и глубже внушает она свои мысли той Форме, что держит её в плену. Временами в больной груди просыпается надежда и скрашивает долгие часы одиночества и размышления; подобно утреннему лучу, рассеивающему чёрные тени мрачного уныния, она освещает долгие часы одинокого раздумья. И подобно тому, как радуга не всегда рассеивает грозовые тучи, но часто являет лишь результат преломления лучей заходящего солнца проплывающим облаком, так и за мгновениями призрачной надежды обычно следуют часы ещё более глубокого отчаяния. Зачем, о зачем, насмехающаяся Немезида, ты так очистила и просветила среди всех монархов этой земли того, кого сама сделала беспомощным, бессловесным и бессильным? Зачем ты зажгла пламя святой братской любви к человеку в груди того, чьё сердце уже чувствует приближение ледяной руки смерти и разрушения, кого неуклонно оставляют силы, и сама жизнь которого тает подобно пене на гребне набегающей волны?

И вот уже рука Судьбы занесена над ложем страдания. Пробыл час исполнения закона Природы. Более молодой отныне будет монархом, ибо старого короля уже нет. Но безгласный и беспомощный, он всё же является господином, самодержавным властителем миллионов. Жестокая Судьба воздвигла ему трон над открытой могилой и зовёт его к славе и могуществу. Истерзанный страданиями, он вдруг обнаруживает себя коронованным. Опустошенная Форма оказывается вырванной из своего теплого гнезда среди пальмовых рощ и роз; её несёт вихрем с благоуханного юга к студёному северу, где воды застывают в ледяные леса и "волны на волнах вырастают в твёрдые горы"; куда она теперь спешит править и — спешит умирать.

X

Вперёд, вперёд спешит чёрное, извергающее огонь чудовище, изобретённое человеком, дабы отчасти одолеть Пространство и Время. Вперед, с каждой минутой всё дальше от целительного, благоуханного юга летит поезд. Подобно огнедышащему дракону, пожирает он расстояние, оставляя за собой шлейф дыма, искр и зловония. И пока его длинное, гибкое тело, изгибающееся и шипящее, подобно огромной тёмной рептилии, плавно скользит, пересекая горы и долины, лес и туннель, равнину, его покачивающее монотонное движение убаюкивает измученного путешественника, его изношенную, истерзанную душевным страданием Форму, погружая её в сон...

В движущемся дворце воздух тёпл и ароматен. Роскошный вагон полон экзотических растений, и из огромного куста благоухающих цветов возникает вместе с их ароматом сказочная Королева Грёз, сопровождаемая группой счастливых эльфов. В плавно скользящем поезде дриады смеются в своих жилищах из листьев и пускают плыть по ветру сказочные видения и сны зелёных уединённых уголков. Стук колес постепенно превращается в рёв отдалённого водопада, чтобы затем стихнуть до серебристых трелей хрустального ручья. Душа-Эго совершает свой полёт в Страну Грёз...

Она странствует сквозь зоны времён, живёт, чувствует и дышит в самых противоположных людских формах. Сейчас она — великан, ётун, спешащий в Муспелльхейм, где правит Суртур со своим огненным мечом.

Она бесстрашно противостоит сонму чудовищ и обращает их в бегство одним взмахом могучей длани. Потом она видит себя в Северном Мире Туманов. В образе отважного лучника она вступает в Хельхейм, Царство Мёртвых, где Тёмный Эльф раскрывает перед ней череду её жизней и их таинственную взаимосвязь. "Почему человек страдает?" — вопрошает Душа-Эго. — "Потому что он должен стать единым", — следует насмешливый ответ.

Тотчас Душа-Эго предстаёт перед святой богиней, Сагой, которая поёт ей о доблестных делах германских героев, об их достоинствах и пороках. Она показывает Душе могучих воинов, павших от руки множества её прежних Форм как на поле брани, так и под священной сенью дома. Она видит себя в роли девушек и женщин, юношей, мужей и детей... Она чувствует себя многократно умирающей в этих Формах. Она умирает как Дух героя, и сострадающие Валькирии ведут её с кровавого поля битвы назад в Обитель Блаженства под священную сень Валгаллы. Она испускает последний вздох в другой Форме и оказывается в холодной, безнадёжной сфере угрызений совести. Будучи ребёнком, она смежает невинные очи в последнем сне, и сразу же увлекается прекрасными Светлыми Эльфами в другое тело — суждённый источник Боли и Страдания. Всякий раз туманы смерти рассеиваются и спадают с глаз Души-Эго, и лишь тогда она может пересечь Чёрную Бездну, отделяющую Царство Живых от Царства Мёртвых. Таким образом, "Смерть" становится для неё лишь ничего не значащим словом, пустым звуком. Всякий раз верования Смертного обретают объективную жизнь и форму для Бессмертного, лишь только он переходит Мост. Впоследствии они начинают бледнеть и исчезают...

— Каково моё Прошлое? — обращается Душа-Эго к Урд — старшей из сестёр норн. — Почему я страдаю?

Длинный пергамент разворачивается в руке богини и открывает длинный список смертных существ, в каждом из которых Душа-Эго узнаёт одну из своих обителей. Дойдя до предпоследнего, она видит обгагрённую кровью руку, без конца творящую жестокости и вероломства, и содрогается... Безвинные жертвы являются вокруг неё и зывают к Орлогу об отмщении.

— Каково моё истинное Настоящее? — вопрошает встревоженная Душа вторую сестру, Верданди.

— На тебе приговор Орлога, — слышит она в ответ. — Но Орлог не произносит их столь слепо, как глупые смертные.

— Каково моё будущее? — в отчаянии зывает Душа-Эго ко Скульд, третьей из норн. — Будет ли оно всегда в слезах и лишено Надежды?...

Нет ответа. Но спящий чувствует, что несётся в пространстве, и внезапно картина меняется. Душа-Эго видит себя на давно знакомом месте, в королевской летней резиденции, и скамью напротив сломанной пальмы. Перед ней раскинулась, как и прежде, безбрежная голубая водная гладь, отражающая скалы и утёсы, там же и одинокая пальма, обречённая на скорое исчезновение. Мягкий ласковый голос неустанного приборя легких волн становится человеческой речью и напоминает Душе-Эго о клятвах, неединожды произнесённых на этом месте. И спящий с воодушевлением повторяет слова, уже провозглашавшиеся прежде:

"Никогда, о никогда впредь не принесу я ни единого сына моей родины в жертву пустому тщеславию и честолюбию! Наш мир столь исполнен неизбежным страданием, столь беден радостью и блаженством, неужели я прибавлю к этой чаше горечи бездонный океан горя и крови, называемый Войной? Прочь эту мысль!.. О, больше никогда..."

XI

Странное зрелище и перемена... Сломанная пальма, стоящая перед мысленным взором Души-Эго, вдруг поднимает свой упавший ствол и становится стройной и зелёной, как и прежде. Ещё большее блаженство: Душа-Эго обнаруживает самоё себя такой же сильной и здоровой, каким князь был всегда. Громким голосом поёт он на все четыре стороны света ликующую песнь. Он чувствует в себе волну радости и блаженства, и будто знает, отчего счастлив.

Внезапно он переносится в нечто похожее на сказочно-прекрасный Зал, освещённый самыми яркими светильниками и возведённый из материалов, подобных которым прежде он никогда не встречал. Он видит наследников и потомков всех монархов земного шара, собравшихся в этом Зале одной счастливой семьёй. Они уже не носят знаков королевского достоинства, но он словно знает, что правящие князья, властвуют в силу своих собственных качеств, — сердечного великодушия, благородства характера, наивысшей наблюдательности, мудрости, любви к Истине и Справедливости, — что делает их достойными наследниками престолов, Королями и Королевами. Короны, по воле и милости Господа, отброшены, и теперь они правят "милостью божественного человеколюбия", единодушно избранные в силу общепризнанности своих способностей к правлению и почтительной любви своих добровольных подданных.

Всё вокруг кажется удивительно изменившимся. Честолюбия, всепоглощающей жадности и ненависти, неверно называемых патриотизмом, — больше нет. Жестокий эгоизм уступил место истинному альтруизму, а холодное безразличие к нуждам миллионов больше не находит одобрения в глазах немногих избранных. Ненужная роскошь, притворство и претенциозность — общественные или религиозные — всё исчезло. Войны больше невозможны, ибо армии упразднены. Солдаты обратились в усердных, трудолюбивых землепашцев, и весь земной шар творит свою песнь в восторженной радости. Королевства и страны живут как братья. Наконец пришёл великий, славный час! То, на что он едва мог надеяться, о чём еле отваживался помыслить в тишине долгих мучительных ночей, теперь осуществилось. Великое проклятие снято, и мир стоит прощённый и спасённый в своём возрождении!..

Трепещущий от восторженных чувств, с сердцем, переполненным любовью и человеколюбием, он встаёт, чтобы произнести пламенную речь, которая должна стать исторической, и вдруг обнаруживает, что тело его исчезло или, точнее, заменено другим. Да, это уже не та высокая, благородная Форма, что он знал, но тело кого-то другого, о ком он ещё ничего не ведал. Что-то тёмное встаёт между ним и великим ослепительным светом, и на волнах эфира он видит тень огромных часов. На их зловещем циферблате он читает:

"Новая эра: 970995 лет спустя мгновенного уничтожения пневмо-дино-вриллом последних 2000000 солдат на поле брани в западном полушарии Земли. 971000 солнечных лет после затопления европейского континента и островов. Таков приговор Орлога и ответ Скульд..."

Он делает напряжённое усилие и — вновь становится самим собой. Побуждаемый Душой-Эго помнить и поступать соответственно, он воздевает руки к Небесам и перед ликом всей Природы клянётся хранить мир до конца своих дней — по крайней мере, в своей стране.

.....

Отдаленный рокот барабанов и протяжные крики, которые он слышал во сне, — это восторженные благодарения за только что данный обет. Резкий удар, грохот — и когда открываются глаза, Душа-Эго изумлённо взирает в них. Тяжёлый взгляд встречает почтительное и серьёзное лицо врача, предлагающего обычную дозу лекарства. Поезд останавливается. Он встаёт со своего ложа ещё более слабым и усталым, чем когда-либо и видит вокруг бесконечные ряды войск, вооружённых новым и ещё более смертоносным оружием, — готовые ринуться в бой.
